

Развивая это учение, Симеон утверждал, что при соблюдении определенного канона этических правил, при постоянном совершенствовании внутренней способности созерцания, человек может достичь высших ступеней нравственного совершенствования и тогда испытать непосредственное воздействие божественной благодати,

...Я сижу в моей келейке
Целодневно, целоношно,
И со мной любовь незримо,
Непостижно обитает:
Вне вещей, вне всякой твари,
Но во всем и в каждой вещи,
То как жар, как пламя в блеске,
То как облик светозарный,
Под конец же слава солнца¹.

Любовь и свет, нисходящие от божества, и любовь, устремленная к божеству, обуславливают восприятие божества. Не телесная аскеза, а духовное уединение, постоянное ощущение страха божьего, строжайшее послушание, ясность веры и абсолютный индивидуализм позволяют достичь единения с богом, «обожения»:

...Но ценой трудов великих
Углубясь в себя, в себе же
Обретаю свет искомый².

Монашеское уединение и сосредоточение всех чувств на внутреннем постижении связи с божеством делают излишним всякое знание и — помехой всякое общение с другими: «Да не разрушишь ты свой дом, стремясь помочь ближнему возвести жилище»³. Этика Симеона крайне индивидуалистична, апеллирует к иступленной, фанатичной религиозности и острием своим направлена против любого светского образования. На нее опирался *Григорий Палама* (1296/1297 — 1359), идейный противник Феодора Метохита, непримиримый к любым отступлениям от «истинного православия» апологет мистицизма.

Афонский монастырь уже в XIII в. стал центром применения учения Симеона. В нем и прошел школу Григорий Палама, изучавший эту концепцию, получившую название «исихазма», (от «исихиа» — покой, отшельни-

¹ Памятники византийской литературы IX-XIV вв. С. 129.

² Там же. С. 131.

³ Цит. по: История Византии. Т. 2. С. 365.